

УДК 911.53

О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ И БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ (ПО ДАННЫМ О ПЕРЕИМЕНОВАНИЯХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ)

© 2021 г. В. Н. Калущков*

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

**e-mail: v.kalutskov@yandex.ru*

Поступила в редакцию 28.05.2019 г.

После доработки 03.09.2021 г.

Принята к публикации 07.09.2021 г.

Переименования географических объектов рассматриваются как важная общественно-географическая проблема, обсуждаются основные подходы к их исследованию. Под концептуализацией географического пространства понимается инновационный культурно-географический процесс, целью которого является изменение географической картины мира. В качестве элементарной единицы концептуализации пространства выступает геоконцепт: он представляет собой новое — инновационное — “имя места”, которое обладает коннотативными значениями, отражающими новую идею или раскрывающими новый ассоциативный образ места. Выделяются механизмы концептуализации географического пространства — переименование места/территории, повышение общественного статуса места (при сохранении прежнего географического названия), замещение старых памятников на новые (“перекрещивание” места) и другие. Рассматриваются территории, подверженные регулярной концептуализации: к ним относятся новые страны и их столицы, новые регионы, города и территории культурных пограничий. Теоретические положения подкрепляются анализом обширного материала по переименованиям в 16-ти странах Ближнего Зарубежья, охватывающего свыше 400 городов (столиц, областных и районных центров); всего было выявлено и проанализировано около 700 случаев изменения названий мест в течение последних 120 лет. Выбор временных рамок исследования (XX–XXI вв.) связан с намерением зафиксировать дореволюционное, советское и постсоветское состояние геокультурного пространства. Собранный материал лег в основу создания справочника переименованных городов в странах Ближнего Зарубежья в XX–XXI вв. Анализируются характерные примеры геоконцептуализации пространства на региональном и локальном уровнях — областные города Украины, северная часть российско-казахстанского пограничья, центральная часть Ташкента.

Ключевые слова: культурная география, концептуализация географического пространства, геоконцепт, топоним, механизм концептуализации пространства, Ближнее Зарубежье

DOI: 10.31857/S258755662106008X

ВВЕДЕНИЕ

В наше время процессы трансформации геокультурного пространства охватили весь мир, но наиболее интенсивно они протекают в постсоциалистических странах. В соответствии с новыми идеологиями массово переименовываются названия стран, городов, улиц, сносятся памятники “старым” гениям места и возводятся новые монументы: коренным образом меняются городские и региональные культурные ландшафты.

Основные задачи исследования заключались, во-первых, в анализе существующих общественно-географических подходов к проблематике переименований географических объектов, во-вторых, в разработке новых понятий и терминов, обеспечивающих адекватную теоретическую и прикладную разработку вопроса, в-третьих, в вы-

явлении механизмов концептуализации географического пространства и, в-четвертых, в привлечении разнопланового регионального материала России и стран Ближнего Зарубежья для проверки теоретических положений и понимания дальнейших тенденций изменения геокультурного пространства.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПЕРЕИМЕНОВАНИЙ (В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА)

В отношении трансформации геокультурного пространства в связи с массовыми переименованиями географических объектов разрабатывается несколько подходов — подход критической топо-

нимики, палимпсестный и геоконцептуальный (Митин, 2020).

В течение нескольких десятилетий в рамках *критической топонимики* развивается особый подход к исследованию переименований географических объектов. Это исследовательское направление, вышедшее из недр критической географии, ориентировано на социальное осмысление процесса переименований и особенно на интерпретацию символических значений топонимов. Однако ключевыми для него являются вопросы топонимической политики и связанных с ней топонимических социальных практик (Терентьев, 2015; Azaryahu, 2009; Rose-Redwood et al., 2019; The Political ..., 2017; Vuolteenaho, Berg, 2009). В результате взаимодействия между топонимической системой, властью и обществом возникает качественно новое пространство, поэтому предметная сущность критической топонимики может быть выражена краткой словесной формулой — *топонимическое производство пространства* (Басик, 2018).

Исследования по критической топонимике охватывают разные иерархические уровни, но все же основная масса работ связана с изменениями городской топонимии, как наиболее приближенной к человеческому сообществу. Тем более что город и особенно большой город постоянно находится в ситуации культурно-топонимических инноваций и трансформаций (Alderman, Inwood, 2013; Azaryahu, 1990, 1997, 2009; David, 2013). В России в последние годы отмечается интерес к проблематике переименований в городах, однако в основном со стороны социологов, а не географов (Галактионова, 2016; Демьянов, Рыженко, 2016; Терентьев, 2015).

К перспективным проблемам критической топонимики прежде всего относятся вопросы социальной справедливости (Rose-Redwood et al., 2010; The political ..., 2017). Особое внимание уделяется вопросам интеллектуальной поддержки меньшинств, поскольку, по мнению авторов, сохранение топонимии этнических и социальных меньшинств репрезентирует их в политическом и культурном пространствах.

Другая проблема связана с вопросами политической семиотики и политических технологий номинации, которые используются для “производства” новых культурных пространств. В последние 20–30 лет переименование мест стало важной частью стратегий государственного строительства в новых странах. Для продвижения новой концепции истории страны вместо старых придумываются тысячи новых топонимов. Целями переименования мест является не только устранение признаков прежних политических систем, но и почитание новых лидеров и идеологий.

В качестве перспективной также рассматривается проблема коммерциализации прав на новые географические названия, проблема, актуальная и для современной России. Суть этой проблемы заключается в том, что названия стали товарами, которые можно купить и продать. Это приводит к укреплению власти корпораций и приватизации общественного пространства и памяти.

Итак, открывая новые топонимические миры, критическая топонимика порождает и описывает множество действительностей, связанных с топонимами — географических, социальных, политических. Вместе с тем, в своем развитии она сталкивается с важной методологической проблемой, связанной с отсутствием ясного обоснования объекта исследований. Обычно в качестве такого в текстах фигурирует термин топонимическое название (toponymic inscription) (Rose-Redwood et al., 2010). Но что такое топонимическое название и чем оно отличается от топонима и когда топонимическое название “превращается” в топоним, не ясно.

Палимпсестный подход — один из продуктивных подходов в исследованиях трансформации географического пространства. При этом, с одной стороны, он позволяет изучать трансформацию пространства, выявляя “полузатертые” слои (страты) культурного ландшафта. В таком контексте любой культурный ландшафт можно рассматривать в качестве многослойного феномена, объединяющего прошлые и современные функции, идеологии и физические контексты (Митин, 2014). С метафорой палимпсеста тесно перекликается идея стратификации культурного ландшафта, которая представляет собой временную модель, описывающую его устойчивые состояния и представляющую основу для географических интерпретаций (Калуцков, 2011).

Многие переименования отражают не только новое состояние регионального или городского культурного ландшафта, но и свидетельствуют о начале построения новой географической картины мира, с одной стороны, и новой идентичности, с другой (Митин, 2004; Urbanc et al., 2004). В ситуации переделки пространства в связи с изменением образа территории уместно применение образно-географических подходов — от классических (Анциферов, 1991; Линч, 1982) до современных (Замятин, 2003, 2006).

В рамках *геоконцептуального подхода* к переименованиям географических объектов в качестве важнейших выступают понятие концептуализации географического пространства и представление о геоконцепте.

Под *концептуализацией географического пространства* понимается *системная культурная инновация, нацеленная на создание новой географической картины мира*. Концептуализация пространства

связана с осознанным стремлением к преобразованию пространства путем создания системы идеологически или статусно новых мест (Калуцков, 2020). Процессы концептуализации пространства проходят не только в нематериальной сфере через переименование мест и актуализацию ранее запретных имен, но и в материальной (снос, замещение и перемещение памятников, создание отражающих новую идеологию музеев и другое). В городах и регионах новая концептуализация пространства приводит к созданию нового слоя культурного ландшафта, обогащая уже имеющийся палимпсест. На проблему идеологически мотивированных переименований обращал внимание Р.Ф. Туровский (2001); он даже предлагал выделять внутри культурной географии специально направление — *геотопонимику*.

Для понимания динамичной ситуации в современном культурно-географическом пространстве представлений о топониме явно недостаточно (Березович, 2000; Мурзаев, 2001). Поэтому вводится понятие *геоконцепта* как элементарной единицы концептуализации пространства (Калуцков, 2012, 2016).

Не всякое переименование концептуально: часто замена одного топонима на другой происходит естественно в связи с изменением географической ситуации — изменением окружающего ландшафта. Концептуализация пространства связана с осознанным стремлением к преобразованию пространства при сохранении географической обстановки. Иначе, новое состояние места, города, региона начинается... с его нового имени: изменение географической ситуации, связанной с новым именем, происходит позже.

Принципиальное отличие топонима от геоконцепта заключается в том, что "... подавляющее число топонимов, функционирующих в языке, лишено коннотативных значений. Они являются лишь названиями географического места и не служат словесными метками его образа" (Сомов, 2015, с. 11–12). Напротив, геоконцепты содержат в себе коннотации, раскрывающие новую идею или образ места. Если в топониме для нас важно семантическое значение топонима, то в геоконцепте важна идея места или его ассоциативный образ. Иначе, геоконцепт — это сверхтопоним. Поэтому геоконцепты с их идеологическими и культурными смыслами изучает культурная география, а топонимы с их семантическими значениями — топонимика и этнолингвистика.

В отличие от топонима, связанного с местной культурной традицией, геоконцепт представляет собой "придуманную" идеологическую инновацию. К примеру, в 1920–30-е годы большая часть городского сообщества не принимала новояз Ленинград. Так, Дмитрий Шостакович шутил, что теперь живет в Санкт-Ленинбурге. Однако после

Ленинградской (!) блокады общественная ситуация резко изменилась: Великая Отечественная война стала важной частью городской истории, сообщество приняло и освоило советскую топонимическую инновацию и появилась новая идентичность — ленинградцы. Это означает, что геоконцепт стал топонимом.

Геоконцепт представляет собой инновационное "имя места", которое обладает коннотативными значениями, отражающими новую идею и раскрывающими новый ассоциативный образ места.

МЕХАНИЗМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА

В нематериальной сфере можно выделить два ономастических механизма концептуализации географического пространства — переименование места и статусной возгонки топонима, или повышение общественного статуса места. Они работают на всех иерархических уровнях — страновом, региональном и локальном.

В материальной сфере механизмы концептуализации пространства чаще действуют на городском уровне; к ним относятся: снос, перемещение памятников, замещение старых памятников на новые, закрытие или реорганизация как не соответствующих новой идеологии музеев, открытие идеологически новых памятников, мемориалов и музеев.

Важнейший механизм концептуализации — *переименование географического объекта*, при этом его размеры не имеют значения — от городской улицы до огромного архипелага. Цель переименования — создание *нового смысла* либо *нового образа места или территории*, который бы соответствовал новой концепции пространства.

В концептуализацию могут вовлекаться как отдельные значимые локусы географического пространства, так и целые пространственные массивы. Вспомним о знаковых — идеологически концептуальных — переименованиях Петербурга и Екатеринбурга в XX в.: Санкт-Петербург—Петроград—Ленинград—Санкт-Петербург и Екатеринбург—Свердловск—Екатеринбург. Советская власть не только насаждала революционные геоконцепты, но одновременно активно искореняла память о "проклятом царизме". Поэтому многие, казалось бы, нейтральные географические названия связаны с советским временем: так, Романов-на-Мурмане стал Мурманском, Ново-Николаевск — Новосибирском, а Земля Императора Николая II превратилась в Северную Землю.

Концептуальные переименования могут происходить как сверху, так и снизу в результате общественной инициативы. Цели переименований могут быть разными — от демонстрации новых идеалов до создания новой версии национальной

истории. Переименования сверху связаны со сменой государственной идеологии и политики, со стремлением топонимически закрепить спорные пограничные территории или по другим причинам. Главная задача концептуализации географического пространства — создание сети новых геоконцептов, которые и формируют новое геокультурное и геополитическое пространство.

Сущность другого механизма концептуализации географического пространства — *механизма статусной возгонки топонима* — заключается в повышении общественного статуса места путем переосмысления локального топонима в геоконцепт высокого (национального или регионально-го) уровня (Калуцков, 2016). При этом в отличие от первого механизма прежний топоним сохраняется, но ему предается новый, ранее неизвестный смысл, в результате чего место получает новый образ. К примеру, Бородинское поле стало уникальным *национальным геоконцептом* после известных событий отечественной истории; до 1812 г. о нем знали только местные крестьяне. В результате действия механизма статусной возгонки российское общество узнало (и теперь уже никогда не забудет!) о мемориальных литературных местах — Ясной Поляне, Михайловском, Болдино, Пятигорске, Переделкине... Так проявляется стремление общества к мемориализации данного места или сохранению памяти о гении места.

Действующий в основном в городах механизм концептуализации географического пространства — *снос или “статусное путешествие”* — способствуют понижению культурного статуса объектов наследия; перенос памятников, как правило, осуществляется из обладающих более высоким культурным статусом центральных районов в периферийные. Если переносимый памятник обладал высоким для города культурным статусом и служил важным социальным ориентиром, такое действие может привести к реорганизации городского пространства.

Механизм — замещение старых памятников (или музеев) на новые — напоминает ситуацию крещения Руси, когда на месте языческих капищ создавались православные храмы; поэтому мы его назвали *“перекрещиванием” места*. Нередки случаи, когда на месте главного памятника Ленину (при сохранении постамента), который, как правило, занимал самое статусное — центральное — место в городе, сооружается памятник, отражающий новые идеологические реалии.

О неравномерности концептуализации географического пространства. Концептуализация географического пространства осуществляется неравномерно *в пространстве* и *по-разному на разных иерархических уровнях* — страновом, региональном, городском и внутригородском. При этом волны концептуализаций пространства охватывали

страны мира в последнее столетие с завидной регулярностью. На постсоциалистическом пространстве Восточная Германия (бывшая ГДР) в течение прошлого века испытали три (!) волны концептуализации пространства — нацистскую, советскую и постсоветскую, а Хорватия — даже четыре (Šakaja, Stanić, 2011).

Наиболее массовые переименования последних десятилетий были осуществлены на *внутригородском уровне*, особенно в центральных районах крупных городов. Наряду с переименованиями в городском ландшафте стран Ближнего Зарубежья создана новая система городских памятников взамен советской.

Город, и особенно *столичный город*, будучи центром любых культурных инноваций, представляет собой место постоянной концептуализации пространства в соответствии со сменой идеологий, важными историческими и культурными событиями. Особый интерес в исследованиях изменений геокультурного пространства представляют столицы как центры любых культурных инноваций. Но лидерами по концептуализации пространства выступают *исторические центры* столичных городов, включая их главные улицы. Именно центры столиц представляют собой лицо страны, поэтому новые идеологии реализуются в первую очередь в центральной части столичного города.

Геоконцептуализации подвержены и *пограничные территории*, особенно в ситуации пограничных споров. Так, для закрепления политических результатов Великой Отечественной войны в пограничных районах СССР (южная часть Дальнего Востока и Калининградская область) произошло массовое переименование китайских, корейских и немецких названий. Кроме того, пограничное пространство представляет собой зону пересечения, а иногда, и столкновения национальных картин мира. Это связано с тем, что в разных географических картинах мира один и тот же географический объект может называться по-разному, например, Японское море называется Японским в русской и японской картинах мира, но Восточным морем в корейской картине мира.

О ЦИКЛАХ ПЕРЕИМЕНОВАНИЙ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА УКРАИНЫ В XX–XXI вв. (ОБЛАСТНОЙ УРОВЕНЬ)

Одним из ярких примеров активной переделки культурного пространства является Украина. В стране даже принят специальный закон, регулирующий процессы номинации, с характерной формулировкой, в которой советская символика приравнивается к нацистской (Закон ..., 2015). Вместе с тем массовые переименования случились и

раньше. Так, за последние сто лет из 24-х областных центров на Украине 12 поменяли свое название: Днепр, Донецк, Запорожье, Ивано-Франковск, Кропивницкий, Луганск, Львов, Мариуполь (в 2014 г. был административным центром Донецкой области Украины), Тернополь, Ужгород, Хмельницкий, Черновцы.

На протяжении XX–XXI вв. украинизация культурного пространства страны является одним из важнейших культурно-географических процессов. В рассматриваемый период наблюдается три волны украинизации — в 1920–60-е годы, во времена перестройки и в наше время.

На Западной Украине процесс украинизации осуществлялся в послевоенный период параллельно с процессом размывания польского культурного наследия. К примеру, Тарнополь в 1944 г. стал Тернополем. Со сменой одной буквы исчезают польские корни топонима (терн — по-польски *tarnina*) и появляются украинские, а с ними возникает понятный для любого украинца географический образ: тернополь — местность, заросшая терном, или терновником. Другой пример — переименование названного по имени польского гетмана Станислава Потоцкого города Станислава в Ивано-Франковск.

В рассматриваемый период наряду с украинизацией геокультурного пространства для Украины характерен процесс его советизации. Первая волна советских геоконцептов появилась в регионе уже в послереволюционное время. При переименованиях выдерживалось два принципа: стирание царского наследия (переименование Александровска, Елисаветграда, Екатеринослава) и привнесение нового советского. Поэтому Луганск становится Ворошиловградом, Мариуполь — Ждановым, Елисаветград — Зиновьевском. При этом имена советских руководителей давались тем городам, с которыми они были связаны.

Интересно, что сама советская власть инициировала и первую волну десоветизации всего пространства СССР, включая и Украину. Она была оформлена законодательно в виде Указа Президиума Верховного Совета СССР, в котором запрещалось присваивать географическим объектам имена живых людей (Указ ..., 1957). За ним последовала целая волна возвращения исторических названий: Ворошиловград снова стал Луганском, Чкалов — Оренбургом, а Молотов — Пермью. Однако со временем упомянутый выше указ стимулировал вторую волну советизации пространства в 1970–80-годы, когда большим и малым городам стали присваивать имена умерших советских лидеров, как правило, исторически связанных с данными местами. На этом этапе Набережные Челны стали Брежневым, Ижевск — Устиновым, а Луганску после смерти К.Е. Ворошилова второй раз присваивают его имя.

Вторая волна десоветизации всего пространства СССР связана с перестроечным периодом — второй половиной 1980-х годов. На Украине она проявилась в переименовании двух областных столиц — Жданова и Ворошиловграда. И, наконец, третья волна десоветизации пространства Украины, системно охватившая все иерархические уровни пространства — внутригородской, городской, районный и областной, связана с принятием Верховной Радой в 2015 г. вышеупомянутого закона (Закон ..., 2015). Реализация Закона на областном уровне привело к переименованию в 2016 г. Днепропетровска в Днепр, а Кировограда — в Кропивницкий.

НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СЛУЧАЙ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА

Современный Казахстан, также как и его соседи, активно выстраивает новую картину мира как на региональном, так и на городском уровнях. Знаковым переименованием, которое свидетельствует о появлении нового “гения места”, первого президента Казахстана, стало новое название столицы страны. Напомним, что за последние 60 лет город сменил 5 названий: Акмолинск—Целиноград—Акмола—Астана—Нур-Султан. Интересно, что каждое новое имя города характеризует новое состояние городского ландшафта. Название Акмолинск связано с дореволюционным стратом ландшафта. Геоконцепт Целиноград характеризует важный советский слой городского ландшафта, напоминающий о проекте освоения целины. Акмола представляет собой уже казахстанский страт, свидетельствующий о начале построения новой — казахстанской — модели мира. А два последних геоконцепта характеризуют новое — столичное — состояние городского ландшафта.

Наряду с названиями городов меняются и названия природных объектов. Так, в результате действия новых политических — государственных — границ “возникают” новые физико-географические объекты. В традиционной русской картине мира Ишимская равнина, или Ишимская степь охватывает Курганскую, Тюменскую, Омскую области России и Северо-Казахстанскую область Казахстана. В новой казахстанской картине мира расположенная в пределах Северо-Казахстанской области, южная часть Ишимской равнины получила свое имя — Северо-Казахстанская равнина (рис. 1).

В рассматриваемом регионе изменились и названия других природных объектов. Кокчетавская возвышенность стала называться Кокшетауской, а река Ишим (так она называется в преде-



Рис. 1. Эффект новой политической границы: концептуализация географического пространства Северного Казахстана. Черным курсивом даны новые казахстанские названия географических объектов. Составлено В.М. Матасовым.

лах России), на которой раскинулся Нур-Султан, в границах Казахстана теперь именуется Есиль.

Таким образом, через создание “новых” рек и “новых” возвышенностей проявился эффект новой политической границы.

СТАТУСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПАМЯТНИКА: СЛУЧАЙ С МОНУМЕНТОМ ДРУЖБЫ НАРОДОВ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТАШКЕНТА

В постсоветский период система городских памятников Ташкента, как сотен других городов Ближнего Зарубежья, претерпела существенные изменения. Из двадцати памятников, находившихся в центральной части города в 1980-е годы, к настоящему времени на своих прежних местах остались только два — памятник А. Навои и мемориальный комплекс “Мужество”, посвященный памяти о землетрясении в Ташкенте 1966 г. Большая часть памятников, прямо или косвенно связанных с советским периодом истории республики, демонтированы, другие перемещены ближе к

окраинам города. Интересно, что постаменты некоторых демонтированных памятников использованы для сооружения новых. К примеру, на месте и на постаменте памятника Ленину установлен Монумент независимости Узбекистана, а на месте памятника Карлу Марксу — монумент Тамерлана, или, как его именуют в современном Узбекистане, Амира Темура. Последнего можно считать новым “гением места”, причем не только Ташкента, но и других городов страны.

Памятники Пушкину, Горькому, Гагарину и памятник “Дружба Народов”, были вынесены из центра в окраинные районы. Подобное перемещение монументов из центральной части города в окраинные районы в культурно-географическом смысле следует назвать *статусным путешествием*, имея в виду, что культурный статус центра в любой культурной традиции всегда выше, чем статус периферии. Особенно показательна постсоветская история перемещений памятника “Дружба Народов”, посвященного узбекской семье Шамахмудовых, которая во время Великой

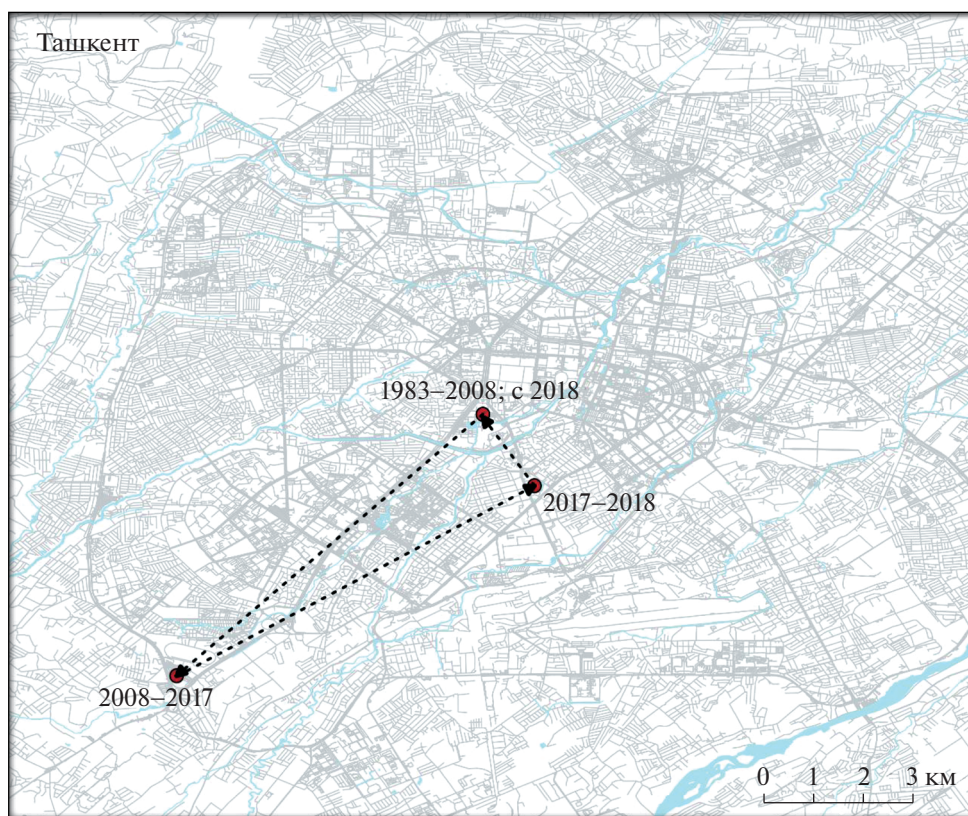


Рис. 2. Статусные путешествия монумента Дружбы Народов в городском пространстве Ташкента в постсоветский период.
Составлено В.М. Матасовым.

Отечественной войны усыновила и воспитала 15 детей разных национальностей (рис. 2).

С 1981 по 2008 г. памятник, изображающий всю большую семью, размещался в центре города на площади Дружбы Народов; на этой же площади находился дворец с таким же названием. В 2008 г. было принято решение о переносе скульптурной группы на окраину города. Одновременно с выносом монумента переименовали и площадь, и дворец — дворец Дружбы народов в дворец Независимости (символическое переименование!). По требованию жителей новый президент страны в 2017 г. решил перенести памятник ближе к центральной части города в парк с одноименным символическим названием — Парк Дружбы. Но через год было объявлено об окончательном возвращении памятника на прежнее место. Замечательно, что после возвращения монумента площади и ближайшей станции метро тоже вернули прежнее имя — Дружбы народов.

История статусных путешествий памятника “Дружба Народов” в культурном пространстве Ташкента показательна: с одной стороны, она

свидетельствует о новой этнокультурной концептуализации городского пространства, а с другой, о динамичности локальных культурно-географических ситуаций.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

После 1991 г. геокультурное пространство стран Ближнего Зарубежья испытало существенные трансформации: сотни городов сменили свои названия, на улицах и площадях поставлены памятники новым “гениям места”. Однако история этих трансформаций и их темпы существенно различаются (рис. 3). На основе анализа большого фактического материала выделяется три группы стран Ближнего Зарубежья: страны с трансформированным геокультурным пространством, где переименования затронули больше половины исследуемых объектов, страны с измененным культурно-географическим пространством, где переименования охватывают от 25 до 50% рас-



Рис. 3. Оценка глубины преобразования культурного пространства стран Ближнего Зарубежья по сравнению с позднесоветским состоянием культурного ландшафта.

Составлено В.М. Матасовым.

Примечание: для Украины и Казахстана на материале переименований областных центров, для остальных стран – на материале областных и районных центров.

смотренных городов, и страны со слабо измененным геокультурным пространством, в которых переименования охватывают менее четверти исследуемых объектов (Топонимия ..., 2020).

Наиболее глубокие изменения геокультурного, а также топонимического пространства в последнее 30-летие характерны для Молдовы, Азербайджана, Казахстана, Туркменистана, а также для новых стран – Абхазии и Южной Осетии. Что касается Молдовы, Азербайджана и Туркменистана, важным механизмом трансформации их геокультурных пространств явилась смена кириллической системы письменности на латиницу. Для указанных стран можно говорить о масштабной концептуализации общественного пространства и формировании новой национальной географической картины мира.

В течение последних 30 лет относительно стабильное состояние геокультурного пространства характерно для Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Грузии, Армении и Узбекистана. Однако причины такого состояния разные. Так, страны Балтии завершили процессы дегерманизации

своего пространства уже сто лет назад, при этом они на городском уровне были слабо затронуты процессами советизации. Что касается Грузии и Армении, они отказались от советских названий городов еще в 1970–80-е годы. В Белоруссии уже несколько десятилетий сохраняются названия всех областных и районных центров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования показано, что проблема переименований географических объектов относится к важным общественно-географическим проблемам современности.

Среди существующих географических подходов к исследованию переименований заслуживают внимания подход, разрабатываемый в рамках критической топонимики, а также палимпсестный и геоконцептуальный подходы. Последний продолжает исследовательские традиции географ-топонимиста Э.М. Мурзаева, который писал о “многоименности” географических объектов как о культурной норме.

Развивается понятие геоконцепта, которое рассматривается в качестве элементарной единицы концептуализации пространства. Понятия геоконцепта и топонима соотносятся как инновационное и традиционное (социально адаптированное) имя места.

Выявлены основные механизмы концептуализации географического пространства. Исследование рядов идеологически и политических мотивированных изменений географических названий убедительно демонстрирует массовость и цикличность процесса переименований на всем постсоветском пространстве в течение последнего столетия.

Во многих странах Ближнего Зарубежья, где произошла масштабная концептуализация геокультурного пространства, формируется новая национальная географическая картина мира.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Работа выполнена при поддержке Всероссийской общественной организации “Русское географическое общество” (грантовые проекты “Чтобы помнили...”: создание атласа-справочника утраченной русской топонимии Ближнего Зарубежья” и “Первый литературный атлас России: важнейшие литературные места, ландшафты, путешествия и образы”).

FUNDING

The work was carried out with the support of the All-Russian public organization “Russian Geographical Society” (grant projects “To Remember...” Creating an Atlas-Reference Book of the Lost Russian Toponymy of the Near Abroad” and “The First Literary Atlas of Russia: The Most Important Literary Places, Landscapes, Travels and Images”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анциферов Н.П. Душа Петербурга. СПб.: Ленинздат, 1991. 159 с.
- Басик С.Н. Критическая топонимика как направление географических исследований: проблемы и перспективы // Географический вестн. 2018. № 1 (44). С. 56–63.
- Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 532 с.
- Галактионова Н.А. Социокультурный облик региона через призму топонимической политики (кейс Тюмени и Набережных Челнов) // Регионоведение. 2016. № 1 (94). С. 152–163.
- Демьянов К.В., Рыженко В.Г. Омская топонимия в контексте изучения культурного пространства российского города // Вестн. Омск. ун-та. Сер. “Исторические науки”. 2016. № 4 (12). С. 73–80.
- Закон “Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики” от 09.04.2015 № 317-VIII, редакция действует с 01.01.2020. http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T150317.html (дата обращения 16.06.2020).
- Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетея, 2003. 331 с.
- Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
- Калуцков В.Н. Этнокультурное ландшафтоведение. М.: Геогр. фак-тет МГУ, 2011. 112 с.
- Калуцков В.Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 27–36.
- Калуцков В.Н. “Имя” в географии: от топонима к геоконцепту // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 2. С. 100–107.
- Калуцков В.Н. Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 57–69.
- Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
- Митин И.И. Стратегии трансформации идентичности: опыт московских и петербургских пригородов и Хибин // Возвращенные имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России. Нижний Новгород: IREX и “Профессионалы за сотрудничество”, 2004. С. 107–113.
- Митин И.И. Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного фед. ун-та, 2014. С. 147–156.
- Митин И.И. Воображение и множественность: переименования как фактор трансформации городских культурных ландшафтов // Культурный ландшафт: Эволюции и революции воображения / под ред. Д.Н. Замятина и И.Г. Коноваловой. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2020. С. 100–106.
- Мурзаев Э.М. Слово на карте. М.: Армада-пресс, 2001. 448 с.
- Сомов В.П. Поэтическая география: Историческая, мифологическая, библейская и литературно-сказочная. Культурологический словарь. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2015. 416 с.
- Терентьев Е.А. Топонимический активизм и “право на город”: социологические заметки // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2015. № 1 (29). С. 194–202.
- Топонимия Ближнего Зарубежья: сто лет переименований. Атлас-справочник / науч. ред. В.Н. Калуцков. М.: б.и., 2020. <https://gumgeo.ru/pomnili> (дата обращения 11.04.2020).

- Туровский Р.Ф. Культурная география: теоретические основания и пути развития // Культурная география. М.: Институт Наследия, 2001. С. 10–94.
- Alderman D.H., Inwood J. Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King // Soc. & Cultural Geogr. 2013. V. 14. P. 211–233.
- Azaryahu M. Renaming the Past: Changes in “City Text” in Germany and Austria, 1945–1947 // History and Memory. 1990. V. 2. № 2. P. 32–53.
- Azaryahu M. German reunification and the politics of street names: the case of East Berlin // Polit. Geogr. 1997. V. 16. № 6. P. 479–493.
- Azaryahu M. Street Names and Iconography // Int. Encyclopedia of Human Geogr. / R. Kitchin (Ed.). London: Elsevier, 2009. P. 460–465.
- David J. Street Names – Between Ideology and Cultural Heritage // Acta Onomastica. 2013. V. 54. P. 53–60.
- Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies // Progress in Human Geogr. 2010. V. 34. № 4. P. 453–470.
- Rose-Redwood R., Vuolteenaho J., Young C., Light D. Naming rights, place branding, and the tumultuous cultural landscapes of neoliberal urbanism // Urban Geogr. 2019. V. 40. № 6. P. 747–761.
- Šakaja L., Stanić S. Other(ing), self(portraying), negotiating: the spatial codification of values in Zagreb’s city-text // Cultural Geogr. 2011. № 18 (4). P. 495–516.
- The political life of urban streetscapes: naming, politics and space / R. Rose-Redwood, D. Alderman, M. Azaryahu (Eds.). Abingdon, Oxon; New York, N.Y.: Routledge, 2017. 334 p.
- Urbanc M., et al. Comprehension of rapidly transforming landscapes of Central and Eastern Europe in the XX century // Acta Geographica Slovenica. 2004. V. 44. № 2. P. 101–131.
- Vuolteenaho J., Berg L.D. Towards critical toponymies // Critical toponymies: the contested politics of place naming / L. Berg and J. Vuolteenaho (Ed.). Farnham, Surrey; Burlington, VT: Ashgate Publishing, 2009. P. 1–18.

Conceptualization of the Geographical Space of Russia and Russia’s Near Abroad (According to the Data on Geographical Objects’ Renaming)

V. N. Kalutskov*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

**e-mail: v.kalutskov@yandex.ru*

The problem of mass renaming of geographical objects is considered an important socio-geographical problem. The main approaches to the study of geographical object renaming are considered. The conceptualization of the geographical space is an innovative cultural and geographical process, the purpose of which is to change the geographical picture of the world. Conceptualization is associated with a conscious desire to transform space by creating ideologically and/or status new places. There are some mechanisms for the conceptualization of geographical space—renaming a territory or place, raising the public status of a place (while maintaining the former geographical name), demolishing, moving monuments, and replacing old monuments and museums with new ones (“rebaptism” of the place). The hierarchical aspect of the “reconfiguration” of the space is considered, the places and territories subject to regular conceptualization are highlighted. The basic element of the conceptualization of space is a geoconcept: it represents a new, innovative, “name of a place,” which has connotative meanings that reflect a new idea or reveal a new associative image of a place. The article highlights the places and territories subject to regular conceptualization. These include new countries and their capitals, new regions, cities, and territories of cultural frontiers. The theoretical provisions are supported by the analysis of extensive material on renaming in 16 neighboring countries, covering more than 400 cities (capitals, regional and district centers); in total, about 700 cases of changing place names have been identified and analyzed over the past 120 years. The choice of the time frame of the study (20th–21st centuries) is associated to fix the pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet state of the geocultural space. The collected material formed the basis for creating a directory of renamed cities in neighboring countries in the 20th–21st centuries. Typical examples of geoconceptualization at regional and local levels are analyzed—regional cities of Ukraine, the northern part of the Russian-Kazakh border, the central part of Tashkent.

Keywords: cultural geography, conceptualization of geographical space, geoconcept, toponym, mechanism of conceptualization of space, post-Soviet space

REFERENCES

- Alderman D. H., Inwood J. Street naming and the politics of belonging: spatial injustices in the toponymic commemoration of Martin Luther King. *Soc. Cult. Geogr.*, 2013, vol. 14, pp. 211–233.
- Antsiferov N.P. *Dusha Peterburga* [The Soul of St. Petersburg]. St. Petersburg: Lenizdat Publ., 1991. 159 p.
- Azaryahu M. German reunification and the politics of street names: the case of East Berlin. *Polit. Geogr.*, 1997, vol. 16, no. 6, pp. 479–493.
- Azaryahu M. Renaming the past: changes in “City Text” in Germany and Austria, 1945–1947. *History and Memory*, 1990, vol. 2, no. 2, pp. 32–53.
- Azaryahu M. Street Names and Iconography. In *International Encyclopedia of Human Geography*. Kitchin R., Ed. London: Elsevier, 2009, pp. 460–465.
- Basik S.N. Critical toponymy as a direction of geographical research: problems and prospects. *Geogr. Vestn.*, 2018, vol. 44, no. 1, pp. 56–63. (In Russ.).
- Berezovich E.L. *Russkaya toponimiya v etnolingvisticheskom aspekte* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect]. Ekaterinburg: Ural. Univ. Publ., 2000. 532 p.
- David J. Street names – between ideology and cultural heritage. *Acta onomastica*, 2013, vol. 54, pp. 53–60.
- Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “On Streamlining the Naming of State and Public Figures to Territories, Regions, Districts, as Well as Cities and Other Settlements, Enterprises, Collective Farms, Institutions and Organizations”, dated 11.09.1957. Available at: <https://www.lawmix.ru/sssr/6927> (accessed: 16.06.2020). (In Russ.).
- Dem’yanov K.V., Ryzhenko V.G. Omsk toponymy in the context of studying the cultural space of the Russian city. *Vestn. Omsk. Univ., Ser. Istor. Nauki*, 2016, vol. 12, no. 4, pp. 73–80. (In Russ.).
- Galaktionova N.A. Social and cultural image of the region through the prism of toponymic policy (case of Tyumen and Naberezhnye Chelny). *Regionologiya*, 2016, vol. 94, no. 1, pp. 152–163. (In Russ.).
- Gerasimenko T.I., Kalutskov V.N., Kolomeitseva O.V., Matasov V.M., Mitin I.I., Morozova M.M., Svyatokha N.Yu., Yamskov A.N. *Toponimiya Blizhnego Zarubezh’ya: sto let pereimenovaniy. Atlas-spravochnik* [Toponymy of the Near Abroad: One Hundred Years of Renaming. Atlas-Reference Book]. Kalutskov V.N., Ed. Moscow, 2020. Available at: <https://gumgeo.ru/pomnili> (accessed: 11.04.2020). (In Russ.).
- Kalutskov V.N. “Name” in geography: from the toponym – to the geoconcept. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2016, no. 2, pp. 100–107. (In Russ.). doi 10.15356/0373-2444-2016-2-100-107
- Kalutskov V.N. *Etimologicheskoe landshaftovedenie* [Ethnic and Cultural Landscape Studies]. Moscow: Geogr. Fakul’tet Mosk. Gos. Univ., 2011. 112 p.
- Kalutskov V.N. Geoconcepts in geography. *Kult. i Gumanitarnaya Geogr.*, 2012, vol. 1, no. 1, pp. 27–36. (In Russ.).
- Kalutskov V.N. The conceptualization of geographical space: onomastic aspects. *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 19: Lingvistika i Mezhkul’turnaya Kommunikatsiya*, 2020, no. 1, pp. 57–69. (In Russ.).
- Law of Ukraine no. 317-VIII “On the Condemnation of the Communist and National Socialist (Nazi) Totalitarian Regimes and the Prohibition of Propaganda of their Symbols”, 2015. Available at: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T150317.html (accessed: 16.06.2020). (In Russ.).
- Lynch K. *The Image of the City*. The MIT Press, 1960. 194 p.
- Mitin I.I. Imagination and multiplicity: renaming as a factor of transformation of urban cultural landscapes. In *Kul’turnyi landschaft: Evolyutsii i revolyutsii vobrazheniya* [Cultural Landscape: Evolutions and Revolutions of the Imagination]. Zamyatin D.N., Konovalova I.G., Eds. Moscow: Inst. Vseobshch. Istorii RAN, 2020, pp. 100–106. (In Russ.).
- Mitin I.I. Identity transformation strategies: the experience of Moscow and St. Petersburg suburbs and Khibiny. In *Vozvrashchennyye imena: identichnost’ i kul’turnyi kapital pereimenovannykh gorodov Rossii* [Recovered Names: Identities and Cultural Capital of the Renamed Cities of Russia]. Nizhny Novgorod: IREX, Professional’noye sotrudnichestvo Publ., 2004, pp. 107–113. (In Russ.).
- Mitin I.I. Place as palimpsest: A mythogeographical approach. In *Fenomen kul’tury v rossiiskoi obshchestvennoy geografii: ekspertnye mneniya, analitika, kontsepty* [The Phenomenon of Culture in Russian Public Geography: Expert Opinions, Analytics, Concepts]. Druzhinin A.G., Streletskii V.N., Eds. Rostov-on-Don: Yuzhn. Fed. Univ., 2014, pp. 147–156. (In Russ.).
- Murzaev E.M. *Slovo na karte* [Word on the Map]. Moscow: Armada-press, 2001. 448 p.
- Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies. *Prog. Hum. Geogr.*, 2010, vol. 34, no. 4, pp. 453–470.
- Rose-Redwood R., Vuolteenaho J., Young C., Light D. Naming rights, place branding, and the tumultuous cultural landscapes of neoliberal urbanism. *Urban Geogr.*, 2019, vol. 40, no. 6, pp. 747–761.
- Šakaja L., Stanić S. Other(ing), self(portraying), negotiating: the spatial codification of values in Zagreb’s city-text. *Cult. Geogr.*, 2011, vol. 18, no. 4, pp. 495–516.
- Somov V.P. *Poeticheskaya geografiya: Istoricheskaya, mifologicheskaya, bibleiskaya i literaturno-skazochnaya. Kul’turologicheskii slovar’* [Poetic Geography: Historical, Mythological, Biblical and Literary Fabulous. Cultural Dictionary]. Moscow: B.S.G.-Press, 2015. 416 p.
- Terent’ev E.A. Toponymic activism and “the right to the city”: sociological notes. *Vestn. Tomsk. Gos. Univ., Filologiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2015, vol. 29, no. 1, pp. 194–202. (In Russ.).
- The Political Life of Urban Streetscapes: Naming, Politics and Space*. Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M., Eds. Abingdon, N.Y.: Routledge, 2017. 334 p.

- Turovskii R.F. Cultural geography: theoretical foundations and ways of development. In *Kul'turnaya geografiya* [Cultural Geography]. Moscow: Inst. Naslediya, 2001, pp. 10–94. (In Russ.).
- Urbanc M. et al. Comprehension of rapidly transforming landscapes of Central and Eastern Europe in the XX century. *Acta Geographica Slovenica*, 2004, vol. 44, no. 2, pp. 101–131.
- Vuolteenaho J., Berg L.D. Towards critical toponymies. In *Critical Toponymies: The Contested Politics of Place Naming*. Berg L., Vuolteenaho J., Eds. Farnham, Burlington: Ashgate Publ., 2009, pp. 1–18.
- Zamyatin D.N. *Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov* [Humanitarian Geography: Space and Language of Geographical Images]. St. Petersburg: Aletya Publ., 2003. 331 p.
- Zamyatin D.N. *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and Space: Modeling Geographical Images]. Moscow: Znak Publ., 2006. 488 p.